

8

В конце Париж

— Андреа-а-а, Андре-е-е-а-а-а! — я слышала громкий, но дружелюбный голос позади себя, когда медленно двигалась от лифта в сторону конференц-зала, и медленно обернулась.

— Елена, — ответила я с улыбкой. На душе было как-то совсем не улыбочиво, но для нее я сделала исключение. Положение Елены в концерне соответствовало моему, только она отвечала за Восточную Европу. Эта русская девушка ростом метр восемьдесят четыре, стройная, исключительно привлекательная, но из-за какой-то неловкости ей немного не хватало грации. Вот и сейчас она запнулась о край ковра, слегка навалившись на меня, и запуталась в собственных ногах. Удивительно, что Елена вообще меня узнала, потому что она близорука, но слишком беспокоится о внешности, чтобы носить очки. Несмотря ни на что мне она почему-то нравилась. А я нравилась Елене.

— Андреа-а-а! — закричала она еще раз, хотя уже стояла практически передо мной, так что ее голос невозможно было бы не услышать. — Как твои дела? Ты давно тут? Мы опаздываем? — Как всегда, она предъявляла очень высокие

требования к себе самой и к ситуации в целом и уже одним своим присутствием создавала немыслимую суету.

Елена была очень деловой и исключительно дружелюбной, обладала даром схватывать все на лету, но не страдала заносчивостью ни на грамм. Вместе с этим она отличалась некоторой хаотичностью и рассеянностью, что, с одной стороны, было очаровательно, а с другой — могло утомлять.

— Спокойно, Елена. Все хорошо. Мы не опаздываем. У нас полно времени, — успокоила я, пока целовала ее в левую и правую щеку, как это принято во Франции. Она была совершенно бледной и запыхавшейся, едва отвечала на мои поцелуи и дружеское приветствие. Непрерывно глядя на свои часы, Елена практически не замечала моих слов:

— Две минуты, Андреа! Времени не полно, а всего лишь две минуты! Какой зал? Куда нам идти?! — Девушка безумно размахивала в воздухе своими распечатками, одновременно разыскивая что-то в сумочке.

Я знала, что мое спокойствие нервировало ее еще больше, потому что она ему совершенно не доверяла. Ни спокойствию, ни мне. Она осознавала, что я придаю гораздо меньше значения временному прессингу, в то время как для нее он был чем-то вроде плотно упакованного рюкзака с вещами первой необходимости. Неудивительно, что ей было тяжело, и этот груз поддерживал ее убежденность в том, будто она должна нести его за нас обеих. Елена была глубоко убеждена в том, что без нее я не справлюсь, не приду вовремя на место. Даже интересно, как, с ее точки зрения, мне удалось прилететь сюда без ее помощи. Было в ней что-то материнское, хоть и выглядело это несколько по-мужски. Я исподволь наблюдала за Еленой и следо-

вала за ней торопливыми шагами, пока она расчесывалась гребешком, который наконец-то достала из своей сумочки, читая при этом список докладов в своем расписании. Похоже, у нее была потребность делать как минимум три действия одновременно. Когда мы пришли, люди в зале обменивались любезностями, взаимно уверяя друг друга в том, что у них все прекрасно, а возможность оказаться частью такого события, как это, еще прекраснее. Можно гордиться и благодарить Создателя за то, что мы приобщены к чему-то столь великолепному, к этому чуду в чистом виде. Я не могла присоединиться к ним, но была поражена, если не сказать изумлена, колоссальностью бюджета этого представления. Вероятно, на потраченные деньги можно было бы обеспечить пропитанием целую деревню лет на пять. Пол помещения был полностью выстлан настоящим свежим французским газоном. Можно было бы использовать его как футбольное поле, хотя, скорее всего, это было бы такой же бессмысленной и больной идеей, как и этот «творческий подход» под нашими ногами. Елена бросила на меня вопросительный взгляд, проваливаясь в него высокими каблуками и погружаясь все глубже с каждым шагом. При ближайшем рассмотрении этот газон напоминал скорее об элитарных турнирах по поло, чем о футболе. Кто бы ни родил это креативное детище, он выложился по полной.

Расслабленно шагая по травке в своих удобных спортивных мокасинах, исключительно подходящих случаю, я наблюдала множество интеллигентных женщин с напряженными взглядами. Казалось, внезапно в их жизни не стало ни одной другой проблемы, кроме заботы о своих дорогих туфлях, выбранных специально для этого события,

а то и вовсе купленных ради него. Анекдотичность ситуации усиливалась тем, что на свежей зеленой травке стояли как минимум три сотни прозрачных стульев от Филиппа Старка¹, которые уже завоевали какие-то награды в области интерьерного дизайна. Постмодернистский холод стекла посреди сочной зелени на лужайке создавал исключительно декадентский и при этом очень странный контраст. Меня не удивляло, что выбор был сделан в сторону французского дизайна и современного шика, ведь на мероприятии присутствовали истинные аристократы, обладающие изысканным вкусом. В передней части зала была установлена большая белая сцена, освещенная прожекторами, а на ней гигантскими буквами выложено название предприятия. Из динамиков раздавался ласковый звук прибоя и расслабленное щебетанье птиц, которое звучало почти невротически счастливо.

— К чему вся эта трава? — спросила меня Елена, вытаскивая каблук из влажной земли, когда мы присели во втором ряду, чтобы она могла что-то разглядеть без очков.

— Настоящий французский газон. Теперь его стелют специально для стилетто² в пурпурно-красных туфлях, — сострила я.

Елена засмеялась. Она всегда смеялась над моими шутками, даже если они были плохими и никак не напо-

¹ Филипп Старк — французский дизайнер, сделавший себе имя на дизайне ночных клубов, дворцов, отелей, частных домов, а также отдельных предметов интерьера. — *Прим. ред.*

² Стиллетто — фитнес-тренировки в обуви на каблуках-шпильках. — *Прим. ред.*

минали шутку. При этом она часто сама заставляла людей смеяться. В большинстве случаев ненамеренно.

Я вспомнила об одном странном происшествии, которое имело место незадолго до этого мероприятия, за которое отвечала Елена. Я прилетела к ней на встречу, чтобы узнать от нее подробности и обсудить стратегии. В тот день у девушки была высокая температура, около 39 градусов, но она не упускала возможности поиграть на нервах у половины отдела. Кто знал Елену, знал также и то, что и без гриппозной инфекции в обычные дни она работает как раскаленная печь. Это стоило бы исследовать с медицинской точки зрения, обосновать по-научному ее общее состояние как результат длительного игнорирования личных границ. Так или иначе, я бы в такой день искала спасения.

В помещении стало темно, голоса постепенно стихали. Напряженное внимание смешивалось с отдельными фразами в зале, не относящимися к делу. Из динамиков раздались «Муки любви» Сергея Рахманинова. Было невозможно не ощутить драматизм. Мне даже не нужно было смотреть на Елену, чтобы почувствовать ее гордость и возбуждение. Русская кровь забурлила сильнее в сопровождении русской музыки. Я предположила, что она любит подобные моменты. Яркие лучи кружили по собранию людей. Президент компании вышел на сцену, уверенно встал у микрофона и кивнул головой. Музыка стала тише, пока не замолкла совсем. Он выглядел как король перед военной кампанией. А мы — как народ, который неустанно борется, чтобы оказать честь своему правителю.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы разделить друг с другом этот великий момент, — торжественно начал он.

«Какой момент?», — спросила я себя. Ясно, что никто, кроме меня, не ставил под сомнение величие этого мгновения. Все остальные почтительно слушали проповедь владыки. В этом было что-то сакральное.

— Мы давно над этим работали. Наш дом, наш бренд, все наши силы стоят за этим продуктом. Это удалось только благодаря вам и вашим усилиям, работа выполнена. Мы открываем новую главу в истории нашего предприятия, и я горд, что могу разделить этот момент с вами. Я передаю это в ваши руки. Ведь только с вашей заботой наш продукт вырастет и будет развиваться, пока мы не пожнем плоды успеха, семена которого совместно посеяли. Я передаю вам семя и рассчитываю на ваши усилия до того дня, пока с неба не прольется дождь из цветов».

Я легонько ткнула Елену в бок.

— Им нужны садовники, а не мы, — сказала я тихо. Елена выдохнула в восторге. В тот же момент на фоне фортепианной музыки из коробочек рядом с нами зазвучал шум ветерка. Казалось, весна пришла и ищет нас. Как бы я ни хотела спрятаться, было ясно, что уйти не получится. Световой спектакль из нежно-розовых, сочных лимонно-желтых и освежающе мятно-зеленых лучей освещал сцену, словно уголок природы в весенний день. Тысячи белых цветков опускались сверху, качались в свете и мягко ложились на газон.

Мне пришлось зевнуть. Весенняя усталость застала меня врасплох. Садовница устала. Кое-что здесь казалось перебором. Я взглянула на Елену. Ее глаза были немного влажными. Я протянула ей платочек.

— Это аллергия на пыльцу, — добавила я. Она склонила голову набок и задумчиво улыбнулась.

Я же улыбаться не могла. Вместо этого я спрашивала себя, зачем нужна эта драма. Не могли бы мы эти тысячи евро, пущенные на цветочный ветерок, инвестировать, а еще лучше, потратить на благотворительность? В следующий момент с потолка упали белые простыни, открыв фантастических полуобнаженных женщин в весенних платьях, похожих на ангелов, и мужчин в коротких белых сатиновых панталонах с рельефными торсами. Их тренированные ноги были вытянуты в небо и описывали элегантные круги в воздухе. Они танцевали наперегонки с цветами так, словно не будет никакого завтра. Признаю, смотреть на это было приятно, но я не могла не спрашивать себя: зачем этот танец?

Далее из-за задних рядов зала выступила еще одна группа танцоров, их было не меньше тридцати. Они держали над головами огромное белое полотно и несли его по залу над гостями, а пока они грациозно вскакивали на сцену, он парил в воздухе. Я бы скорее это назвала подпрыгиванием, даже если речь идет о каком-то очень профессиональном подпрыгивании. Платок оставлял за собой узнаваемый аромат весенних цветов. Стало ясно, что это не просто какой-то запах, но тот самый, который невозможно не узнать, которого еще никогда не было — невероятный запах точки отсчета. Плодородное семя, которое мы должны были сеять. Хотим мы того или нет. Такова звезда весеннего неба.

— В опьянении чувств, — выдохнул голос через микрофон на всех европейских языках, пока на потолок, стены и даже газон проецировали флакон от французского дизайнера.

Бред и смысл

Итак, вот это семя незадолго до плодоношения. По-моему, оно воняло как пышный букет лилий вперемешку с травяным духом свежего сена и призывком коровника в базовой ноте. Ничего особенно весеннего, на мой взгляд. И это должно было стать новым ароматом унисекс, который опьянял бы все наши чувства, вот так. Тем интереснее мне было услышать аргументы для продаж, хотя мне и так было ясно, что даже самая лучшая стратегия не сильно-то пригодится, если новый аромат созвучен с коровьим навозом. Тем не менее вокруг распространялся восторг. Казалось, никто не осмеливается заметить, что нам под нос подсунули явное дерьмецо. В рядах сияли исключительно воодушевленные лица.

**В какой-то момент понимаешь,
что есть только два времени.
Сейчас или никогда.**

— Воняет, — уверенно сказала я и повернулась к Елене.

— Андрррреа!!! — она возмущенно ткнула меня локтем под ребра и энергично покачала головой. — Не надо так говорить!

— А как еще это сказать, Елена? — спросила я ее. — Я в восторге от дерьма, которое воняет, как будто корова тут справила нужду? — Я демонстративно зажала нос. Запах почти невозможно было выдерживать. — Это запах отпуски на крестьянском дворе.

— В опьянении чувств, — призвала меня к порядку Елена.

— Елена, нам нужна водка. Много водки.

Возможно, моя приятельница не осмеливалась это произнести, но, очевидно, она была такого же мнения.

Пока один вице-президент за другим пели дифирамбы в честь новой звезды на небе парфюмерных продуктов, я ерзала на троне от Филиппа Старка туда-сюда, жутко устав от сидения. Моя попа онемела даже больше, чем мои бедные уши, и очень стремилась, как и другие части тела, к освобождению.

Потом все было как всегда. Угощения на фуршете были такими же декадентскими, как и вся презентация. Мы ели, разговаривали о товарообороте, росте и погоде и поздравляли друг друга с предстоящим успехом. Поздним вечером я летела домой с больной головой и раздраженным носом, а в полночь тянула свой чемодан на колесиках по блестящему полу аэропорта, который в то время казался таким же одиноким и пустым, как и я. Куда подевалось счастье?

Мой сотовый телефон напомнил о себе нервнующим звуком, который прозвучал очень громко в пустых переходах. Это была Елена.

— Мне перебронировали вылет. Следующий самолет только в 4:30. В опьянении чувств я хочу сказать, что ненавижу это.

После того мероприятия я никогда больше ее не видела. Мы обменивались пару раз новостями. Надеюсь, она смогла найти хоть какой-то покой. Счастлива ли она? Надеюсь.

После той поездки я знала одно: это была не я. Для меня не было смысла в том, что мы делали. Я больше не

могла уговорить себя продавать каждый год еще больше флаконов, чем в предыдущий, не видела в этом достойной задачи. Не поймите меня неправильно: конечно, при этом можно быть счастливым, я и была счастливой какое-то время. В целом, все равно, что мы делаем, пока видим в этом смысл. Но я больше не видела смысла. Не знаю, газон ли тому причина, но на следующий день я уволилась. Я не планировала это. Просто спонтанно возникло такое чувство после чашки, видимо, очень воодушевляющего чая матча и всех мыслей в моей голове о том, что пора начинать что-то новое.

Узнав о моем решении, большинство знакомых смотрели на меня так, будто я окончательно сошла с ума, но почти все говорили: «Вот бы и мне так же!»

Ну, а кто сказал, что вы так не можете? Кто очерчивает границы в ваших головах? Конечно, существует миллиард отговорок и куча причин, из-за которых мы не начинаем быть счастливыми прямо сегодня. Возможно, первый шаг в направлении счастья — просто прекратить делать вещи, которые ощущаются как неправильные. У меня было лишь слабое представление и смутное чувство, но ни намек на понимание, куда меня приведет это путешествие. Однако могу со всей уверенностью заявить: я ни секунды не пожалела.

О том, что последовало далее, можно по большей части прочитать в автобиографическом романе «Ешь, молись, люби». К сожалению, речь идет не о моей автобиографии. Знаю, это разочаровывает. Мне, как и многим, кажется очень дерзким, что кто-то довольно точно описал мое путешествие и даже снял фильм, не пригласив меня разделить авторские